

Информация для цитирования:

Мартыненко А. В. Бахаи в Российской империи в контексте русско-иранских отношений / А. В. Мартыненко, Т. Д. Надькин, Е. З. Грачева // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 440—458. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-440-458.

Martynenko, A. V., Nadkin, T. D., Gracheva, E. Z. (2026). Bahá'is in Russian Empire within Context of Russo-Iranian Relations. *Nauchnyi dialog*, 15 (2): 440-458. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-440-458. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Бахаи в Российской империи в контексте русско-иранских отношений

Мартыненко Александр Валентинович
orcid.org/0000-0002-4701-6398
доктор исторических наук, профессор
arkanaddin@mail.ru

Надькин Тимофей Дмитриевич
orcid.org/0000-0002-2677-8529
доктор исторических наук, доцент
корреспондирующий автор
ntd2006@yandex.ru

Грачева Елена Захарьевна
orcid.org/0000-0002-2758-8065
кандидат исторических наук, доцент
p629@yandex.ru

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева (Саранск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева и Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева) по теме «Россия и Каджарский Иран: взаимодействие империй в торгово-экономической и конфессиональной сферах»

Bahá'is in Russian Empire within Context of Russo-Iranian Relations

Alexander V. Martynenko
orcid.org/0000-0002-4701-6398
Doctor of History, Professor
arkanaddin@mail.ru

Timofey D. Nadkin
orcid.org/0000-0002-2677-8529
Doctor of History, Associate Professor,
corresponding author
ntd2006@yandex.ru

Elena Z. Gracheva
orcid.org/0000-0002-2758-8065
PhD in History, Associate Professor
p629@yandex.ru

M. E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University (Sарansk, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out with the financial support of a grant for research in priority areas of scientific activities of partner universities in networking (I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University and M. E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University) on the topic “Russia and Qajar Iran: interaction of empires in trade, economic and religious spheres”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена конфессиональной истории религиозной общины персидского происхождения — веры бахаи (старая транслитерация в отечественной литературе — бехаизма, бехаитства) на территории Российской империи в конце XIX — начале XX веков. Проанализированы историко-культурные основы данной религиозной общины персидского происхождения, а также причины и особенности формирования диаспор бахаи в царской России, прежде всего — в Ашхабаде. В качестве источников привлекаются «священные писания» религиозных авторитетов бахаи (на русском, английском и персидском языках), а также работы русских дореволюционных исследователей данного феномена. Уделяется внимание сотрудничеству бахаи с царской администрацией Средней Азии и Закавказья, под защитой которой они находились. Авторы опираются на цивилизационный подход, который позволил выстроить данное исследование в контексте отношений России позднего имперского периода как государства-цивилизации с «пришлой», эмигрантской религиозной общиной (бахаи) и крупным азиатским соседом (Каджарской Персией). Подчеркивается исторический дискурс Большой Игры — геополитического соперничества России и Великобритании на Среднем Востоке, частью которого стало «мирное закабаление» Ирана двумя европейскими державами, что повлияло и на ситуацию вокруг веры бахаи.

Ключевые слова:

Российская империя; Каджарский Иран; вера бахаи; Великобритания; Средний Восток.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the confessional history of a Persian-origin religious community — the Bahá'í Faith (formerly known as Beháísm or Behaitstvo in Russian literature) — on the territory of the late nineteenth and early twentieth-century Russian Empire. The study examines the historical-cultural foundations of this religious group from Persia, including reasons for its formation and unique characteristics of Baha'í diaspora communities within Tsarist Russia, particularly focusing on Ashkhabad. Drawing upon sacred writings by prominent Bahá'í figures translated into Russian, English, and Persian languages, along with works by pre-revolutionary Russian scholars studying this phenomenon, the authors analyze the cooperation between the Bahá'ís and Imperial administration across Central Asia and Transcaucasia, where they were granted protection. Utilizing a civilizational approach, the research situates these findings within broader relationships between the late imperial Russian state-civilization and an immigrant religious community (the Bahá'ís) alongside a major Asian neighbor (Qajar Iran). Emphasis is placed on the historical discourse of “The Great Game” — a geopolitical rivalry involving Russia and Britain over influence in the Middle East — wherein Iran was subjected to peaceful subjugation by both European powers, impacting the situation surrounding the Bahá'í faith.

Key words:

Russian Empire; Qajar Iran; Bahá'í Faith; United Kingdom; Middle East

УДК 94(47+55)“17/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-440-458

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Бахаи в Российской империи в контексте русско-иранских отношений

© Мартыненко А. В., Надькин Т. Д., Грачева Е. З., 2026

1. Введение = Introduction

Статья представляет собой анализ малоизвестной страницы в конфессиональной истории России, а именно особенностей распространения на территории Российской империи веры бахаи — религиозного движения персидского происхождения. На своей исторической родине — в Иране — бахаи были изначально и остаются до настоящего времени преследуемым религиозным меньшинством. Это связано со многими положениями их вероучения, но прежде всего с тем, что они почитают своего основателя, Мирзу Хусейна Али Бахауллу, как пророка, что входит в непримиримое противоречие с исламской идеей завершения цикла пророчеств миссией Мухаммада. Именно преследования побудили часть бахаи обосноваться в пределах Российской империи. Отношение царской администрации к данной конфессии в немалой степени объяснялось как характером взаимодействия России с Каджарской Персией того времени, так и расчетами на использование бахаи в интересах христианского миссионерства в исламском мире.

Русско-иранские отношения знали разные периоды. Взаимовыгодная торговля и культурный обмен чередовались с затяжными конфликтами, породившими исторические обиды, в определенной степени не изжитые до конца. Примерами могут служить русско-персидские войны за Кавказ первой четверти XIX века или период «мирного закабаления» Ирана Россией и Англией в последней четверти того же столетия.

С другой стороны, как минимум два столетия в России почитают великолепную иранскую культуру, особенно плеяду средневековых поэтов, от Фирдоуси с его монументальной «Книгой царей» («Шахнамэ») до Омара Хайяма с его искромётными и утонченными четверостишиями-рубаи. Иранские мотивы прослеживаются и в русской культуре: от лермонтовского Печорина, «умершего по дороге в Персию», до великолепного «персидского цикла» стихотворений Есенина.

В настоящее время отношения Российской Федерации и Исламской Республики Иран характеризуются неуклонно растущим стратегическим партнерством. Оба государства испытывают беспрецедентное санкционное давление со стороны коллективного Запада. Вооруженные силы РФ и ИРИ взаимодействовали как союзники в ходе антитеррористической операции в Сирии. Иран оказал России военно-техническую помощь в ходе Специальной военной операции, а Россия оказала Ирану дипломатическую поддержку во время его военного столкновения с Израилем и США летом 2025 года.

Россия и Иран связаны множеством социально-экономических, политических и культурных нитей, что обуславливает актуальность изучения самых разных сюжетов многовекового русско-иранского взаимодействия, в том числе истории персидской общины бахаи, гонимой у себя на родине и получившей прибежище в царской России.

В отечественной историографии отношение к религии бахаи менялось вместе со сменой идеологического дискурса. Первым исследованием веры бахаи в Российской империи будет дана характеристика в следующем разделе нашей статьи, поскольку по содержанию и стилю данные работы более приближаются к источникам. В советский период имели место несколько работ, в основном публицистического плана, в которых вера бахаи (в тогдашней отечественной транслитерации — *бехаизм*, *бехаитство*) безоговорочно осуждалась с позиций классового подхода и трактовалась как идеология компрадорской буржуазии. Такое отношение образно и эмоционально выразил один из советских авторов, И. Даров: «Бехаистское яблоко красиво, свежо и румяно; но достаточно вскрыть это яблоко скальпелем марксистской критики, чтобы обнаружить гниль его сердцевины» [Даров, 1930, с. 14].

В постсоветский период появилось несколько исследований, посвященных вере бахаи. В частности, один из соавторов данной статьи, А. В. Мартыненко в 2005 году опубликовал монографию, в которой провёл сравнительно-исторический анализ двух религиозных меньшинств во враждебном для них исламском окружении. Речь идет о бахаи и об ахмадиях. Вторая община выходит за рамки заявленной в статье тематики: коротко поясним, что ахмади (другое название — *кадиани*) как религиозное сообщество зародились на территории Британской Индии фактически в тот же период, когда в Ираке, Турции и Палестине разворачивалась проповедь основателя веры бахаи. Дело в том, что обе общины, при всей их доктринальной несхожести, в полной мере разделили общую участь и судьбу изгоев в исламском мире: и те, и другие объявили своих лидеров-основателей пророками, что неизбежно натолкнулось на враждебное отношение со стороны мусульман. С другой стороны, если ахмади считают

себя истинными мусульманами и настаивают на своей исламской идентичности, то бахаи претендуют на статус новой религии.

На Западе же корпус трудов по бахаи достаточно обширен. Однако в подавляющем большинстве это работы многочисленных авторов-бахаи (иранских, английских, американских, французских и других), которые носят откровенно апологетический характер.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью статьи является структурный, комплексный анализ истории общины бахаи в Российской империи в общем контексте тогдашних русско-иранских отношений.

Ядро источниковой базы по вероучению и культово-повседневной практике бахаи составляют многочисленные тексты основателя данного религиозного сообщества — Мирзы Хусейна Али Нури Бахауллы, а также его сына Абдул Баха и его правнука Шоги Эфенди Раббани. Это весьма обширное собрание произведений, изначально написанных на фарси или арабском, которые бахаи всего мира до настоящего времени почитают как свои священные писания.

Некоторым из этих книг бахаи придают особенное значение. Пожалуй, самым важным текстом в своей системе ценностей они считают «Китаб-и Агдес» (фарси «Самая святая книга»; другие варианты перевода — «Священнейшая книга», «Наисвятая книга»), автором которой является сам Бахаулла. Время создания «Китаб-и Агдес» относят к нахождению основателя веры бахаи под контролем турецких властей в городе Акко, в Палестине, к началу 70-х годов XIX века. Значимость этого текста для бахаи часто сравнивают со значимостью библейского текста для христиан, а коранического текста для мусульман. «Самая святая книга» включает в себя лаконичные статьи (всего — 468), которые в совокупности своей рисуют нам достаточно подробную и полную картину учения, культовой практики, образа жизни этой молодой религии. Авторы данной статьи использовали самый первый перевод «Китаб-и Агдес» на русский язык (так называемый «Ашхабадский перевод» 1893 года), выполненный царским дипломатом и исламоведом А. Г. Туманским.

Гораздо более сложный текст, наполненный мистическими образами, отсылками и аллюзиями к исламскому и христианскому культурным пластам и социокультурным кодам, представляет собой ещё один крупный труд Бахауллы — «Китаб-и Иган» (фарси «Книга несомненности»). Это более раннее, чем «Самая святая книга», произведение, сочиненное основателем веры бахаи в 1863 году в Багдаде. Именно в указанном году, находясь в багдадской ссылке, он объявил себя новым пророком в истории

человечества. Поэтому «Книга несомненности» представляет собой подробное обоснование истинного характера претензий Бахауллы на пророческий статус. В статье цитируется английский перевод «Китаб-и Иган», подготовленный последним крупным религиозным авторитетом бахаи Шоги Эфенди Раббани.

Большое место в своей проповеди Бахаулла отводил жанру небольших по объёму посланий — так называемых лаух, выполненных им на фарси и арабском. Эти тексты адресованы как сторонникам, так и недоброжелателям бахаи и освещают точку зрения представителей этой религии на самые разные темы и вопросы — от богословских до бытовых. Некоторые цитаты из лаух приводятся в нашей статье; они взяты из сборника посланий под названием «Таблицы Бахауллы», англоязычный перевод которого подготовлен своеобразным «мировым правительством» бахаи — Всемирным домом справедливости, расположенным в городе Хайфа (в настоящее время это территория Израиля).

Огромную роль в распространении веры бахаи по всему миру в XX веке сыграл сын Бахауллы — Аббас Эфенди, более известный под своим сакральным именем Абдул Баха (фарси «Раб Сияющего»). Этот человек, возглавивший религиозную общину после смерти своего отца, объехал многие страны с целью привлечения новых приверженцев. Его энергичная деятельность действительно привела к значительному расширению «географии» веры бахаи, особенно в странах Западной Европы и США. В частности, в 1912 году Абдул Баха посетил Париж, где выступил с проповедями, которые легли в основу его книги «Парижские беседы». Данный текст представляет собой дальнейшую детализацию учения бахаи, включая взгляды этой религии на целый ряд вопросов философии и социального, культурного, нравственного состояния человечества. В статье цитируется одно из англоязычных изданий «Парижских бесед».

Помимо лидеров и религиозных авторитетов бахаи, история и учение данной религии излагаются отдельными её приверженцами. Некоторые из них, будучи выходцами из Персии, облекали идеи рождающейся, новой религиозной системы в традиционные и причудливые, ускользающие от рационального осмысления образы мусульманского мистицизма — тасавуф. Ярким примером в этом плане является один из убеждённых сторонников Бахауллы по имени Мухаммад Али Заранди, написавший мистическую поэму «Месневи» (1888 год). Как известно, месневи — это традиционный жанр персидской поэзии, представляющий собой собрание двустиший. Мухаммад Али Заранди поместил в эту средневековую литературную форму персов иносказательное и метафорическое обоснование пророческой миссии Бахауллы. В Восточном зале Российской государственной библи-

отеки (Москва) хранится экземпляр «Месневи» Мухаммада Али Заранди, изданный в Каире на персидском языке в 1924 году. Отдельные строки поэмы, переведённые с фарси одним из соавторов (А. В. Мартыненко), цитируются в нашей статье.

Одними из первых исследователей данного историко-религиозного феномена «со стороны» стали российские исламоведы (А. Е. Крымский, А. Г. Туманский, С. Уманец), непосредственно познакомившиеся с бахаи во время своей службы на Среднем и Ближнем Востоке или даже в пределах Российской империи, в частности — в Ашхабаде. Русским учёным принадлежит заслуга сбора и систематизации религиозных текстов бахаи. Более того, первый перевод «Китаб-и Агдес» на европейский язык (на русский) выполнил упомянутый А. Г. Туманский.

При дискуссионном характере цивилизационного подхода, его использование в данной статье в качестве методологии нашего исследования представляется наиболее оптимальным, поскольку его несомненным достоинством является повышенное внимание к духовно-нравственным и социокультурным основаниям той или иной цивилизации как к факторам, определяющим её облик и историческую судьбу. В нашем случае религиозный феномен веры бахаи рассматривается в контексте взаимодействия России как государства-цивилизации с зарубежным исламским миром (здесь — с Каджарской Персией).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Религия бахаи как историко-культурный феномен

Бахаи (вера бахаи) представляет собой отдельную религиозную систему, которая сформировалась во второй половине XIX — начале XX веков на территории Каджарской Персии и Османской империи, а впоследствии широко распространилась по всему миру.

Община бахаи сформировалась на организационной и доктринальной основе религиозного движения бабидов, охватившего Иран в 40-е годы XIX века. Данное движение было создано проповедником Али Мухаммадом, присвоившим себе сакральный титул «Баб» (араб. «Врата», «Двери»), давший название самому движению. Мухаммад Али Заранди, соратник и Баба, и Бахауллы, в своей поэме «Месневи» мистическим и образным языком описывает явление Баба мусульманам: «Соловей твоей души лишился чувств, поскольку удостоился чести царственного бытия. Сущность сокровенного не высказана, поскольку народ Аллаха погряз в суеверии» [Месневи, 1924, с. 7].

В то же время Баб изначально в значительной степени отошёл от исламского вероучения и, самое главное, объявил себя новым пророком,

нарушив важнейшее мусульманское представление о том, что последним пророком в истории человечества был Мухаммад. Во многом именно поэтому движение бабидов подверглось жестокому разгрому в Персии в 1848—1852 годах, а основатель движения — Баб — был казнён каджарскими властями в 1850 году. Упомянутый выше Мухаммад Али Заранди в своей поэме, в свойственной ему завуалированной и иносказательной стилистике, связывает казнь Баба с появлением нового пророка: «Убийство Сияющего совершили силы мракобесия. Ангел красоты явился миру. Будьте готовы! О будьте к этому готовы!» [Месневи, 1924, с. 8].

В 1850—1860-е годы на территории Османской империи (в Ираке, Турции и Палестине) на основе эмигрировавших общин бабидов сформировалась новая религия — бахаи.

Её основатель, Мирза Хусейн Али Нури, принявший сакральное имя Бахаулла (перс. «Сияние / Свет Бога»), создал новое религиозное движение: «С 1866 г. он переместился в Багдад (из Персии. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*), где утвердил своё лидерство над бабидами и инициировал преобразование вооружённого и эсхатологического движения в веру бахаи» [Robinson, 2011, p. 168].

Смыслом, декларируемой целью и одновременно главным идеалом веры бахаи является такое объединение человечества, при котором исчезнут национальные государства, уйдут в прошлое межгосударственные границы, все этносы планеты будут жить в рамках единого политико-экономического пространства. Это будущее, воспетое Бахауллой и его преемниками, бахаи называют «Новым мировым порядком».

По данному поводу Бахаулла утверждает в одном из своих посланий-лаух («Бишарат»): «Достоин хвалы не тот, кто любит свою страну, но тот, кто любит мир... Настоящий человек тот, кто сегодня посвящает себя служению всей человеческой расе» [Bahauallah, 1982b, p. 87—88]. С этими словами переключается его призыв к человечеству в «Самой священной книге»: «Будьте, как бы пальцы одной руки и как бы основные части тела», — говорится в «Китаб-и Агдес» [Китабе, 1899, с. 15].

Из «священных текстов» бахаи можно вычлениить отдельные детали идеального будущего для всех жителей Земли. Прежде всего, речь идет о некоем едином органе управления, в равной степени представляющем интересы всех народов, больших и малых. Хотя подразумевается, что конфликты и преступления в таком прекрасном грядущем уйдут в прошлое, всё же у религиозных авторитетов бахаи звучат упоминания о некоей карательной структуре (мировом трибунале), которая, очевидно, будет способна эффективно пресекать какие-либо покушения на этот идеальный миропорядок.

Бахаулла писал в упомянутом выше тексте «Бишарат», что «правителям и министрам следует — да поможет им Бог — собраться на совет и принять один из существующих языков или новый язык для обучения ему детей во всех школах мира, то же самое касается письменности. Тогда вся земля будет выглядеть как одна страна» [Bahauallah, 1982b, p. 22]. Об этом же говорится и в «Китаб-и Агдес» [Китабе, 1899, с. 45]. Не смотря на то, что вопрос о том, какой именно язык займёт столь почетное место единого языка для всех жителей планеты, среди сегодняшних бахаи немало эсперантистов — сторонников известного искусственного языка.

Идея равноправия также играет важнейшую роль в проповеди бахаи. «Все люди равны перед законом, который царствует безраздельно» — заявляет Абдул-Баха в «Парижских беседах» [Abdul Baha, 1971, p. 154].

О равенстве и равноправии мужчины и женщины также говорится в «Парижских беседах»: «Божественная справедливость требует, чтобы права обоих полов соблюдались в равной степени, так как они равны в глазах небес. Достоинство перед Богом зависит не от пола, но от чистоты сердца» [Ibid., p. 162]. Эмансипация женщин практиковалась среди бахаи уже на начальном этапе их истории. Об этом писал в своём отчёте русский врач С. Марк, находившийся в командировке в Южной Персии (1897 год): «Успех секты бабидов (имеются в виду бахаи. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*), особенно распространенной на юге Персии, обязан, отчасти, стремлению их освободить мусульманскую женщину из её затворничества, поднять уровень её развития, предоставив ей положение в обществе, подобно женщине христианской» [Марк, 1898, с. 42].

Абдул Баха в своих парижских проповедях много говорил о содружестве религиозного и научного знания, постулируя отсутствие противоречий между ними: «Между истинной религией и наукой нет противоречия. Когда религия противостоит науке, она превращается в суеверие: то, что противостоит знанию, является невежеством» [Abdul Baha, 1971, p. 144]. С другой стороны, основатель этой религии, Бахаулла, отстаивал превосходство веры над материальным знанием, в том числе научным: «Подумай, как может тот, кто в день откровения Бога не смог достичь щедрости Божественного Присутствия и постигнуть Его Провозглашение, справедливо называться образованным, хотя бы он вечно копил знания и овладел всеми ограниченными материальными учениями людей? Совершенно очевидно, что он ни в коей мере не может считаться обладающим истинным знанием. Тогда как самый неграмотный из всех людей, если он наделен этой высшей проницательностью, поистине считается одним из тех божественно просвещенных людей, чье знание от Бога» [Bahauallah, 1982a, p. 93—94].

В XX веке относительно небольшая община бахаи трансформировалась в международное религиозное движение, не столь многочисленное в глобальных масштабах, но чрезвычайно широко распространенное и создавшее свои организационные структуры (так называемые «духовные советы») в большинстве государств мира.

В Российской Федерации бахаи являются своеобразной «общиной-невидимкой», поскольку их численность в нашей стране насчитывает несколько тысяч человек. В то же время с Россией, точнее с Российской империей, связана важная страница в истории этой религии.

3.2. Формирование ашхабадской общины бахаи

Ранняя история веры бахаи проходила на фоне Большой Игры — напряжённого соперничества между Россией и Великобританией за сферы влияния в Центральной Азии и на Среднем Востоке. Итальянский историк Франко Кардини пишет об особенностях Большой Игры: «На службе русских и англичан были не только солдаты. В распоряжении обеих держав имелаась целая армия шпионов, замаскированных под географов, этнографов и торговцев, которые проникали в пустыни и на склоны высочайших в мире гор» [Кардини, 2009, с. 274]. К концу XIX века в ходе этой борьбы в состав Российской империи вошла почти вся Средняя Азия, в том числе территория современного Туркменистана.

Появление первых приверженцев веры бахаи в пределах среднеазиатских владений Российской империи относят к первой половине 80-х годов XIX столетия. Это были люди, бегущие и ищущие спасения от религиозных гонений у себя на родине, в Персии. К 1890 году в Ашхабаде уже существовала достаточно крупная (более тысячи человек) диаспора бахаи, уроженцев персидских городов Сабзивар и Йезд, в основном купцов и ремесленников. В 1912 году исламовед А. Е. Крымский приводил данные об одном миллионе русскоподданных бахаи (впрочем, он сам же и ставил эту цифру под сомнение) [Крымский, 1912, с. 25].

Переселенцы-бахаи в Ашхабаде впервые почувствовали себя защищенными, попав под покровительство русских властей, применявших в их отношении название «бабиды», которое к этому времени было уже анахронизмом.

Русский композитор шведского происхождения В. Н. Гартевельд в книге о своем путешествии в Среднюю Азию «Среди сыпучих песков и отрубленных голов» вспоминал: «Город же Асхабад (транслитерация оригинала. — А. М., Т. Н., Е. Г.), центр Закаспийской области и резиденция начальника края, основан русскими в 1882 году. В нём находятся все отделы областного управления, как то: управление Среднеазиатской железной дороги, окружной суд, отделение Государственного банка, таможен-

ня, казначейство, акцизное управление и т. п. Имеется женская гимназия, мужская прогимназия, железнодорожное техническое училище, Куропаткинская школа садоводства, воскресные школы, детский приют, церковно-приходская школа и *бахайское училище бабистов* (выделено авторами статьи. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*)» [Гартевельд, 1914, с. 35—36].

История бахаи на территории современной Туркмении началась с того, что в 1884 году Ашхабад посетил мубелиг (странствующий проповедник бахаи), по имени Мухсин-и Афнан, который затем предложил Бахаулле, находившемуся тогда в палестинской ссылке, план создания общины бахаи в этом среднеазиатском городе. Основатель веры бахаи не только одобрил этот план, но и вел постоянную переписку со своими ашхабадскими приверженцами. Лидером же ашхабадской диаспоры бахаи стал Хаджи Мухаммад Реза Исфхани. Он и его соратники охотно делились сведениями о своей религии с русскими исследователями, названными выше.

Так, С. Уманец, например, свидетельствует о том, что бахаи выступили с критикой в адрес книги казанского исламоведа Мирзы Казем-Бека «Баб и бабиды»: «Бабиды (речь здесь идет о бахаи. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*), с которыми нам случалось вести речь по поводу книги Мирзы Казем-Бека, положительно отрицают приписываемую им профессором веру в переселение душ и в то, что, будто бы, по их учению, атрибуты божии переходят в их главарей и ученых» [Уманец, 1904, с. 42].

Русские авторы упорно продолжали употреблять в отношении общины название «бабиды», поэтому последние считали долгом объяснить свое отличие от традиционных поклонников сейида Али Мухаммада Баба. «Заметим, — пишет в связи с этим А. Е. Крымский, — что последователи Бехоаллаха (Бахауллы. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*) даже не желают, чтобы их называли бабидами. Один самаркандский бегаит, Сабит (из общества “Омид”) пишет мне в письме 14 декабря 1911 года: “надо различать бегаидов и бабидов. Нынешняя стадия (ан че хаст аль-ан) — это же бегаиды, а не бабиды. Бабиды имеются в некоторых городах, их немного, и их нелегко пересчитать. Тот, кто изгнанником живет в Акке, это глава бегаидов, а не бабидов, и бабиды его учений не признают”» [Крымский, 1902, с. 83].

Бахаи проживали в Ашхабаде компактно, занимая несколько домов в районе Мервского проспекта: «Благодаря своему достойному образу жизни, — пишет А. Г. Туманский, — они (бахаи. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*) приняты русскими как нельзя лучше. Некоторые из более зажиточных бабидов состоят даже членами городского общественного собрания» [Туманский, 1893, с. 2]. Об этом же свидетельствует и А. Е. Крымский в работе «Общий исторический очерк бабизма и обзор новейшей литературы о нем»: «Русские власти приняли их приветливо, и в Туркестане несколько лет тому

назад закончена постройка чрезвычайно красивого бабидского храма в Асхабаде на Мервском проспекте» [Крымский, 1902, с. 82].

Этот храм получил название Машрик ул-Азкар. К настоящему времени храм не сохранился, поскольку был разрушен землетрясением 1948 года. Теперь на месте этого первого в истории бахаи их молитвенного здания находится памятник туркменскому поэту XVIII века Махмуткули Фраги.

3.3. Бахаи и власти Российской империи на фоне русско-иранских отношений конца XIX — начала XX веков

Период, к которому относится анализируемый исторический сюжет (конец XIX — начало XX веков), характеризуется так называемым «мирным закабалением Ирана». Как и другие страны Среднего Востока и Центральной Азии, Каджарская Персия стала объектом «Большой Игры», то есть геополитического соперничества в этом обширном регионе между двумя империями — Российской и Британской. Иран оказался разделенным на две сферы влияния — русскую (север страны) и английскую (юг). Проявления «мирного закабаления» были разнообразны. Например, началась англо-русская борьба за концессии — по сути, за право держав на льготных условиях эксплуатировать богатые природные и экономические ресурсы Ирана, включая нефть. Каджары утратили финансовую самостоятельность, поскольку эта важнейшая сфера фактически была монополизирована двумя иностранными банками — русским Учетно-ссудным банком и английским Шаханшахским банком. О стремительной утрате суверенитета свидетельствовал и тот факт, что единственным боеспособным подразделением каджарской армии стала Персидская казачья бригада — личная гвардия шаха, созданная из местного населения русскими офицерами, находящаяся под командованием полковника царской армии, который фактически не подчинялся правителю страны. Более того, когда в результате теракта был убит Наср ад-дин шах Каджар (1 мая 1896 года), на некоторое время хозяином страны стал командир указанной бригады, полковник В. А. Косоговский, который посадил на трон Музаффар ад-дин шаха, находившегося в орбите русского влияния.

При подобном состоянии Ирана Российская империя позволяла себе игнорировать недовольство каджарских властей тем, что царские власти предоставили убежище бахаи как преследуемой у себя на родине религиозной общине.

В немалой степени это было обусловлено геополитическими и культурно-просветительскими интересами России в присоединенных к ней регионах Средней Азии. Православное миссионерство в данном обширном регионе — регионе традиционно мусульманском — не было отмечено значительными успехами и, возможно, потому использовало любую воз-

возможность. В качестве такой возможности были восприняты и бахаи — уже не мусульмане, хотя еще не христиане, но активно обращающиеся в своих проповедях к новозаветной традиции. Об этом, например, писал исследователь веры бахаи того времени И. Сегаль: «Бабизм («необабизм»), то есть вера бахаи. — *А. М., Т. Н., Е. Г.* — это тот путь, встретившись на котором, христианство и просветленный ислам протянут друг другу руки» [Сегаль, 1893, с. 27]. Об этом же писал православный миссионер в иранском городе Казвин Н. Бернасовский: «Но, бесспорно, бабизм (имеется в виду вера бахаи. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*) много заимствовал и заимствует из христианского учения для развития своих нравственных сторон и, с этой точки зрения, распространение его среди персов можно только лишь приветствовать» [Бернасовский, 1909, с. 13].

Однако напряжение между мусульманами Ашхабада и местной диаспорой бахаи непрерывно росло и, как известно, завершилось трагической гибелью лидера бахаистской общины. Отметим, что сведений о причастности каджарских властей к этим событиям нет. Скорее всего, это было это была «инициатива снизу», проявление религиозного фанатизма и нетерпимости проживавших в городе шиитов-персов, для которых слово «баби» было синонимом понятий «раскольник» и «еретик». С другой стороны, можно говорить и о «внешнем факторе»: в Ашхабад прибывали проповедники-шииты из Хорасана (Восточного Ирана), которые призывали к таким же жестоким и беспощадным расправам над бахаи, которые практиковались тогда по всей территории Персии.

Итак, в среде местного шиитского населения созрело роковое решение об убийстве главы бахаистской общины Ашхабада Хаджи Мухаммада Резу Исфাহани: «Но так как это было не в Персии, и шииты хорошо знали, к каким последствиям поведет такое убийство, то они решились бросить жребий, кому достанется благочестивый удел покончить с презренным отступником от ислама и пострадать за веру Пророка» [Туманский, 1892, с. 317].

27 августа 1889 года, в 7 часов утра на Базарной площади Ашхабада, «в присутствии народа и полицейского служителя», два шиита, Мешхеда Али Акбар и Мешхеда Хусейн, напали с кинжалами на Мухаммада Резу Исфাহани и нанесли ему сорок две раны, от которых он скончался на месте: «Совершив убийство, они отделись в руки полиции, причем, когда их везли на извозчике, они, в припадке фанатического иступления, лизали кровь, стекавшую с их кинжалов» [Туманский, 1892, с. 317].

В этой драматичной ситуации царские власти немедленно пришли бахаи на помощь, оказав им всемерную защиту. Инициативу в этом плане проявил генерал-губернатор Закаспийской провинции Александр Виссарионович Комаров, участник боевых действий против Шамиля на Северном Кавказе и

Туркестанских походов русской армии. Его решительные действия по обеспечению безопасности бахаи даже привели к уличным беспорядкам шиитов Ашхабада, впрочем, быстро и эффективно подавленных.

Любопытна в данной ситуации позиция самих бахаи. Они обратились к властям с просьбой о помиловании убийц их лидера. В итоге в ходе судебного заседания 1890 года изначальный смертный приговор Мешхеда Али Акбару и Мешхеда Хусейну был заменен пожизненной каторгой в Сибири [Туманский, 1892, с. 316]. Это решение получило личное письменное одобрение находившегося в Палестине Бахауллы: «Вы были убиваемы и не убивали. Добро вам!» [Там же, с. 320]. Основатель веры бахаи в специальном послании вознес хвалу «светозарной державе», «величайшему императору» и «почтеннейшему генералу», подразумевая соответственно Российскую империю, Александра III и А. В. Комарова: «Мы молим Бога, — писал Бахаулла, — да поможет Он (Александр III. — *А. М.*) этой общине (бахаи. — *А. М., Т. Н., Е. Г.*) славить его, восхвалять его, служить ему и да проявит Он в них то, что требуется за деяние его чистое, святое, славное, великое» [Там же, с. 321]. Одновременно в Каджарской Персии местные бахаи даже сочинили хвалебный гимн в честь «Государя Императора» Александра III. Искренность столь восторженных и пафосных выражений благодарности со стороны как самого Бахауллы, так и его приверженцев не вызывает сомнения: впервые в своей истории бахаи получили официальную поддержку и защиту со стороны государства. И этим государством стала Российская империя. К слову, в связи с этими обстоятельствами своей ранней истории особое отношение к России сохраняется у бахаи до настоящего времени.

Особо почитаемое отношение бахаи всего мира к России связано также с тем, что именно на территории Российского государства был воздвигнут самый первый бахаистский храм. Поясним, что храмов бахаи (они называются «дома преклонения») немного. Раньше они воздвигались по принципу «один храм — на один континент», теперь эта география несколько расширена. Так, европейский храм бахаи находится в Федеративной Республике Германии, азиатский — в Индии, африканский — в Уганде, североамериканский — в США. Есть два храма в Латинской Америке — в Панаме и в Чили, отдельный храм в Австралии и отдельный храм в Океании (на Самоа).

Однако самый первый в истории бахаи «дом преклонения» был построен ими к 1907 году в пределах Российской империи, в Ашхабаде. Он получил название *Маширик ул-Азкар* (араб., перс. «Место, где расцветает восхваление Бога»). Строительство осуществлялось с разрешения царских властей и под руководством архитектора-бахаи Устада Али Акбара. До на-

ших дней храм не сохранился: сначала он был конфискован советскими властями, а в 1948 году разрушен мощным Ашхабадским землетрясением.

Другими крупными центрами бахаи на территории Российской империи стали города Закавказья. К 1904 году в Баку, Шемахе и Елисаветполе проживало около семи тысяч бахаи, «в Тифлисе же их всего меньше, — здесь их число доходит до ста семейств» [Уманец, 1904, с. 41].

Относительно благополучное существование бахаи в мусульманских регионах России продолжалось вплоть до установления советской власти. В 1920-е годы общины бахаи в Закавказье и Средней Азии были еще достаточно многочисленны и активны. Например, ашхабадские бахаи даже издавали собственный журнал «Хуршид-и Ховер» («Солнце Востока»).

Однако проповеди бахаи о классовом мире и отказе от насильственных методов борьбы очень скоро вступили в противоречие с революционной и атеистической идеологией нового, советского режима. Раздражение новой власти вызывала и основополагающая идея бахаи — идея «нового мирового порядка», предлагающая модель развития человечества, альтернативную марксистской. Начался период гонений, который завершился в 1930-е годы полным разгромом общины бахаи в СССР.

4. Заключение = Conclusions

В современном мире, по разным оценкам, насчитывается от 6 до 8 млн бахаи. В некоторых странах они почти не заметны. Например, в Российской Федерации их численность колеблется между тремя и четырьмя тысячами последователей. Один из авторов статьи (А. В. Мартыненко) в течение почти тридцати лет преподавания в вузе, на своих занятиях по истории стран Азии и Африки почти всегда сталкивался с ситуацией, когда студенты об этой конфессии никогда и ничего не слышали. Казалось бы, есть страны, где масштабы их деятельности весьма впечатляют. Так, в окрестностях столицы Индии, Дели расположено одно из самых известных молитвенных зданий бахаи — знаменитый Храм-Лотос, а число индийских последователей Бахауллы превышает миллион человек. Но для Индии с её полуторамилиардным населением это весьма незначительное религиозное меньшинство.

Тем не менее бахаи с оптимизмом смотрят в своё будущее, позиционируя себя ни много ни мало как «новую мировую религию». На ироничные комментарии скептиков и недоброжелателей бахаи возражают, что они находятся в начале своего пути, а их сообщество с исторической точки зрения еще очень юное, поскольку его возраст не намного превышает сто лет. В логике рассуждений бахаи, в свое время и христианство, и ислам тоже были относительно небольшими и гонимыми общинами, для их трансформации в мировые религии понадобились тысячелетия.

По мнению авторов данной статьи, мечта бахаи о «новом мировом порядке», едином планетарном государстве, грядущем гармоничном состоянии человечества не может не вызвать скепсис, особенно с учетом тревожных реалий современного мира.

Более того, существует обширный мир, объединяющий более чем полтора миллиарда верующих, в котором благожелательное отношение к бахаи невозможно априори. Это исламский мир во всём его многообразии, который вряд ли простит бахаи даже тот факт, что в данное сообщество перешли (особенно на раннем этапе его истории) сотни тысяч мусульман. Как упоминалось выше, ещё одним раздражителем для правоверных является пророческий статус Бахауллы, признанный его последователями, что входит в непримиримое противоречие с тем, что «печатью пророчеств» (араб. «хатм ан-наби») является Мухаммад, пророк ислама и основатель исламской уммы.

Особенно драматичной история бахаи стала в Иране, где они преследовались и при Каджарах (до 1925 года), и при последней монархической династии Пехлеви (1925—1979 годы правления), и в Исламской Республике Иран (ИРИ) (с 1979 года). В 1983 году все организации бахаи в ИРИ были законодательно запрещены, что сохраняется в силе до настоящего времени.

Так сложилось исторически, что первым государством, оказавшим помощь и защиту бахаи, стала Российская империя. В тот период Каджары находились в политической зависимости от внешних игроков настолько, что не имели никаких рычагов воздействия на царские власти по вопросу о диаспоре бахаи в Средней Азии и Закавказье. Но безопасность бахаи-эмигрантов была весьма условной, что подтверждает факт расправы над лидером их общины в Ашхабаде, совершенной религиозными фанатиками в 1889 году.

Относительно благополучная жизнь бахаи в России была окончательно прервана с установлением советской власти, обрушившей репрессии без преувеличения на все конфессии страны. Аресты, лагеря и депортации привели к тому, что в 1930-е годы общины бахаи на территории СССР прекратили свое существование.

В Россию «лихих девяностых» бахаи вернулись в общем потоке «новых религиозных движений» (НРД) и «религий нового века» и, как упоминалось выше, получили весьма скромные успехи в приобретении новых adeptов. Свою роль здесь сыграла и смена социокультурного дискурса. В качестве примера можно привести изменение отношения к бахаи со стороны Русской православной церкви. Если священник Николай Бернасовский, расстрелянный большевиками в 1933 году, отзывался о «просве-

ценном бабизме» в комплиментарном духе, усматривая в бахаи едва ли не союзников в деле христианского миссионерства, то сегодня РПЦ относит веру бахаи к общей совокупности «вредоносных сект», подрывающих традиционные религиозные ценности страны.

В целом, история бахаи в Российской империи это ещё одна перевернутая страница в не самой благополучной главе российско-иранских отношений. Данный сюжет не столь значим в глобальных масштабах, но, как в сложной мозаике, он является отдельным пазлом более широкого полотна многовекового взаимодействия России и Ирана.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Kutabe* Акдес. «Священнейшая книга» современных бабидов. Текст, перевод, введение и приложения А. Г. Туманского. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1899. — 160 с.
2. *Abdul Baha*. Paris talks / Abdul Baha. — London : Bahai Publishing Trust, 1971. — 184 p.
3. *Bahauallah*. Ketab-i-Iqan / Bahauallah. — London : Bahai Publishing Trust, 1982a. — 167 p.
4. *Bahauallah*. Tablets of Bahauallah / Bahauallah. — Haifa : Baha'i Publishing Trust, 1982b. — 269 p.
5. *Месневи* Мухаммад Али Заранди [Месневи о бехаизме и история восхождения Бахауллы]. — Каир : [б. и.], 1924. — 112 с. (на языке фарси).

Литература

1. *Алиев С. М.* История Ирана. XX век / С. М. Алиев. — Москва : Ин-т востоковедения, 2004. — 644 с. — ISBN 5-93675-075-2.
2. *Бартольд В. В.* Работы по исторической географии и истории Ирана / В. В. Бартольд. — Москва : Восточная литература, 2003. — 663 с. — ISBN 5-02-018410-1.
3. *Бернасовский Н.* Бабизм. История возникновения. Его развитие. Догматические и нравственные начала / Н. Бернасовский. — Тифлис : Тип. Штаба Кавк. воен. окр., 1909. — 14 с.
4. *Гартевельд В. Н.* Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана (1913 г.) / В. Н. Гартевельд. — Москва : И. А. Маевский, 1914. — 159 с.
5. *Грачева Е. З.* Каджарский Иран в XIX веке. Монография / Е. З. Грачева, А. В. Мартыненко. — Саранск : МГПИ им. М. Е. Евсевьева, 2015. — 153 с. — ISBN 978-5-8156-0759-0.
6. *Даров И.* Бехаизм / И. Даров. — Москва ; Ленинград : Прибой, 1930. — 54 с.
7. *Кардини Ф.* Европа и ислам. История непонимания / Ф. Кардини. — Санкт-Петербург : Александрия, 2007. — 332 с. — ISBN 978-5-9033445-06-6.
8. *Казем-Бек А. К.* Баб и бабиды / А. К. Казем-Бек. — Санкт-Петербург : Тип. В. Н. Майкова, 1865. — 177 с.

9. Корбен А. История исламской философии / А. Корбен. — Москва : Прогресс-Традиция, 2009. — 367 с. — ISBN 978-5-89826-301-2.
10. Крымский А. Е. История мусульманства. Очерки религиозной жизни / А. Е. Крымский. — Москва ; Жуковский : Кучково поле, 1912. — 289 с.
11. Крымский А. Е. Общий исторический очерк бабизма и обзор новейшей литературы о нем / А. Е. Крымский // История мусульманских народов. Лекции и пособие к лекциям. — Москва : [б. и.], 1902. — С. 80—91.
12. Марк С. Отчет по командировке на Персидский залив (в Бендер-Аббас) в 1897 г. врача Сергея Марка / С. Марк. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1898. — 44 с.
13. Мартыненко А. В. Бахаи и ахмадийат : новые религиозные сообщества в контексте модернизации ислама (сравнительно-исторический анализ) / А. В. Мартыненко. — Ульяновск : Ульяновский Дом печати, 2005. — 400 с. — ISBN 5-901141-40-7.
14. Ру Ж. История Ирана и иранцев : от истоков до наших дней / Ж. Ру. — Санкт-Петербург : Евразия, 2012. — 429 с. — ISBN 978-5-91852-037-6.
15. Сегаль И. Мусульманские секты в Персии и Закавказском крае / И. Сегаль. — Тифлис : [б. и.], 1893. — 52 с.
16. Туманский А. Г. Два последних бабидских откровения / А. Г. Туманский // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества. — 1892. — Т. 6. — С. 314—321.
17. Туманский А. Г. К вопросу об авторах истории бабидов, известной под именем Тарихе Манукчи или Тарихе Джедид / А. Г. Туманский. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1893. — 15 с.
18. Уманец С. Современный бабизм (раскол в магометанстве) / С. Уманец. — Тифлис : [б. и.], 1904. — 47 с.
19. Ша'бани Р. Краткая история Ирана / Р. Ша'бани. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2008. — 382 с. — ISBN 978-5-85803-380-6.
20. Robinson F. The Islamic World in the Age of Western Dominance / F. Robinson. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011. — 805 p. — ISBN 978-0-521-83826-9.

Статья поступила в редакцию 10.08.2025,
одобрена после рецензирования 06.01.2026,
подготовлена к публикации 31.01.2026.

Material resources

- Abdul Baha. (1971). *Paris talks*. London: Bahai Publishing Trust. 184 p. (In Malay.).
- Bahauallah. (1982a). *Ketab-i-Iqan*. London: Bahai Publishing Trust. 167 p. (In Malay.).
- Bahauallah. (1982b). *Tablets of Bahauallah*. Haifa: Baha'i Publishing Trust. 269 p. (In Malay.).
- Kitabe Akdes. (1899). *The "most sacred book" of the modern Babids. Text, translation, introduction and appendices by A. G. Tumansky*. St. Petersburg: [b. i.]. 160 p. (In Russ.).
- Mesnevi on Baha'ism and the story of Baha'u'llah's Ascent*. (1924). Cairo: [b. i.]. 112 p. (In Farsi).

References

- Aliev, S. M. (2004). *The History of Iran. The twentieth century*. Moscow: Institute of Oriental Studies. 644 p. ISBN 5-93675-075-2. (In Russ.).
- Bartold, V. V. (2003). *Works on historical geography and history of Iran*. Moscow: Oriental Literature. 663 p. ISBN 5-02-018410-1. (In Russ.).

- Bernasovsky, N. (1909). *Babizm. The history of its origin. His development. Dogmatic and moral principles*. Tiflis: Type. The headquarters of the Kavk. Military okr. 14 p. (In Russ.).
- Cardini, F. (2007). *Europe and Islam. The history of misunderstanding*. St. Petersburg: Alexandria. 332 p. ISBN 978-5-9033445-06-6. (In Russ.).
- Darov, I. (1930). *Behaism*. Moscow; Leningrad: Surf. 54 p. (In Russ.).
- Garteveld, V. N. (1914). *Among the loose sands and severed heads. Travel sketches of Turkestan (1913)*. Moscow: I. A. Mayevsky. 159 p. (In Russ.).
- Gracheva, E. Z., Martynenko, A. V. (2015). *Qajar Iran in the 19th century. Monograph*. Saransk: Moscow State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev. 153 p. ISBN 978-5-8156-0759-0. (In Russ.).
- Kazem-Bek, A. K. (1865). *Bab and babids*. St. Petersburg: V. N. Maikov Publishing House. 177 p. (In Russ.).
- Korben, A. (2009). *The History of Islamic Philosophy*. Moscow: Progress-Tradition. 367 p. ISBN 978-5-89826-301-2. (In Russ.).
- Krymsky, A. E. (1902). A general historical sketch of Babism and a review of the latest literature about it. In: *History of Muslim peoples. Lectures and lecture notes*. Moscow: [b. i.]. 80—91. (In Russ.).
- Krymsky, A. E. (1912). *The history of Islam. Essays on Religious Life*. Moscow; Zhukovskiy: Kuchkovo Pole. 289 p. (In Russ.).
- Mark, S. (1898). *Report on a business trip to the Persian Gulf (Bandar Abbas) in 1897 by doctor Sergei Mark*. St. Petersburg: [b. i.]. 44 p. (In Russ.).
- Martynenko, A. V. (2005). *Baha'is and Ahmadiyyats: new religious communities in the context of modernizing Islam (comparative historical analysis)*. Ulyanovsk: Ulyanovsk Press House. 400 p. ISBN 5-901141-40-7. (In Russ.).
- Robinson, F. (2011). *The Islamic World in the Age of Western Dominance*. Cambridge: Cambridge University Press. 805 p. ISBN 978-0-521-83826-9.
- Ru, J. (2012). *The history of Iran and the Iranians: from the origins to the present day*. Saint Petersburg: Eurasia. 429 p. ISBN 978-5-91852-037-6. (In Russ.).
- Segal, I. (1893). *Muslim sects in Persia and the Transcaucasian region*. Tiflis: [b. i.]. 52 p. (In Russ.).
- Sha'bani, R. (2008). *A brief history of Iran*. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 382 p. ISBN 978-5-85803-380-6. (In Russ.).
- Tumansky, A. G. (1892). The last two Babid revelations. *Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*, 6: 314—321. (In Russ.).
- Tumansky, A. G. (1893). *On the question of the authors of the history of the Babids, known as Tarikhe Manukchi or Tarikhe Jedid*. St. Petersburg: [b. i.]. 15 p. (In Russ.).
- Umanets, S. (1904). *Modern Babism (split in Mohammedanism)*. Tiflis: [b. i.]. 47 p. (In Russ.).

*The article was submitted 10.08.2025;
approved after reviewing 06.01.2026;
accepted for publication 31.01.2026.*